

Есть люди, которым ничего не стоит вскружить человеку голову.

Эта мысль с тихой горечью мелькнула в голове Юнь Цзи, едва Цун Ле переступил порог.

Одет тот был предельно просто: белая футболка да кожаная куртка. Для ранней весны — наряд слишком легкий; казалось, он набросил ее в последнюю минуту перед выходом. Впрочем, эта одежда ничуть не скрывала той безудержной, юношеской энергии, которая буквально лучилась от каждого его движения.

Волосы Цун Ле еще не успел уложить гелем, и несколько непослушных прядей свободно спадали на лоб, частично прикрывая чистые, яркие глаза. В этом облике сквозила дерзкая, неотразимая привлекательность, слегка приглушенная намеренной ленивой небрежностью.

— Ты по делу? — спросил Юнь Цзи.

Собственный голос показался ему сухим и неожиданно резким.

В памяти мгновенно всплыла прошлая жизнь, где он, точно глупый осел за привязанной морковкой, покорно бегал вслед за Цун Ле. Что уж говорить про случаи, когда тот достаивал своим присутствием его скромную обитель! Юнь Цзи достаточно было увидеть скупую, снисходительную улыбку на лице Цун Ле, чтобы потом весь день ходить счастливым.

Отводя взгляд, Юнь Цзи сделал усилие и добавил чуть мягче:

— Мог бы и предупредить, прежде чем приходить.

— Я... — Цун Ле коснулся указательным пальцем кончика носа, словно на мгновение заколебался. — Хотел спросить, свободен ли ты сегодня вечером.

Его голос звучал звонче и чище, чем по телефону, — чистый, чистый чистый красивый тембр, словно настроенный музыкальный инструмент.

— Сегодня вечером? — Юнь Цзи чуть отвернулся, вспоминая.

Ну конечно. История повторяется.

Он до сих пор помнил тот день. Тогда Цун Ле неожиданно — впервые в жизни — пригласил его в безумно дорогой ресторан кайсеки-рёри на Третьем кольце.

Как же он тогда радовался! Вёл себя как семнадцатилетний мальчишка: перемерил весь гардероб, всё казалось не тем, чуть ли не во фраке собирался идти на ужин.

Приехав в ресторан, он сходу назаказывал целый стол: сашими, холодные закуски... При его-то больном желудке, категорически не принимавшем ничего сырого и холодного, ему полагались разве что якитори да рис с чаем. Но душевный подъём был настолько велик, что абсолютно каждое блюдо в меню казалось ему идеальным выбором для Цун Ле.

В кармане лежала бархатная коробочка с бриллиантовым гвоздиком. В каком-то шоу Цун Ле как-то обмолвился, что из всех украшений признает только одиночные серьги-гвоздики. Юнь Цзи тогда подумал: у Цун Ле такой выразительный профиль, как же невероятно красиво смотрелся бы на его ухе этот маленький бриллиантовый росчерк, похожий на упавшую звезду.

Сидя на татами в отдельном кабинете, он уже во всех деталях представлял, как Цун Ле будет выходить на сцену с его подарком.

А потом вошел официант:

«Господин, ваш гость еще не прибыл? Желаете, чтобы мы обновили сашими, чтобы они оставались свежими?»

И откуда только у Юнь Цзи в прошлой жизни берелась такая слепая уверенность? Прождав больше часа, он оставался свято убежден: Цун Ле обязательно придет. Он не только разрешил заменить сашими, но и заказал еще две порции суши. На случай, если Цун Ле застрял в пробке и проголодался — чтобы тот мог сразу перекусить.

Чуть позже официант заглянул снова:

«Господин, ваш гость уже в пути? У нас есть служба трансфера...»

Юнь Цзи с юных лет крутился в бизнесе и прекрасно понял прозрачный намек: персонал просто боялся, что он испортит и выбросит на ветер еще одну порцию дорогих морепродуктов. Но звонить Цун Ле он категорически не хотел — не хотел выглядеть назойливым или показаться человеком, у которого не хватает терпения подождать.

Он просчитал всё, кроме одного: наступило восемь вечера, а никто так и не появился.

Когда Юнь Цзи наконец набрал его номер, трубку взял ассистент Лян Чао.

Лян Чао вежливо объяснил, что репетиция затянулась, и Цун Ле решил угостить всю команду барбекю. Народу собралось много, шум, веселье, Цун Ле слегка перебрал...

Сейчас, вспоминая это, Юнь Цзи едва не усмехнулся.

Тогда он даже не стал уточнять, приедет ли Цун Ле вообще, и словом не обмолвился, что

просидел в ресторане один весь вечер.

Он лишь спросил Лян Чао: «Он много выпил? С голосом всё в порядке? Может, мне приехать и забрать его?»

И прямо сквозь глухой шум в динамике услышал знакомый, чуть бархатный густой голос, приближавшийся к телефону:

«Кто там? Если ничего важного, бросай трубку».

И тот действительно бросил.

На следующий день Цун Ле бросил ему мимоходом сухие шесть слов: «Извини, я совсем забыл».

И Юнь Цзи сам, своими силами, выстроил из этих шести слов целое оправдание: Цун Ле ставит карьеру превыше всего, он не заносчив со своими сотрудниками, а ему, Юнь Цзи, не стоит мелочиться и устраивать сцены из-за какого-то пропущенного ужина.

Тогда он просто оставил бархатную коробочку с бриллиантом на подушке Цун Ле. Но потом ни разу не видел, чтобы тот надевал эту серьгу.

— Я сегодня никуда не собираюсь, — Юнь Цзи опустил ресницы, пряча в глазах холодную отстраненность.

— У тебя какие-то дела на вечер? — Цун Ле чуть сжал губы, помешкав. — Я слышал, на Третьем кольце открылся новый ресторан кайсеки...

— Дел нет, — спокойно перебил его Юнь Цзи. — Просто я не хочу японскую кухню.

В этой жизни он больше не намеревался делать для Цун Ле абсолютно ничего. Ему казалось лишним даже придумывать вежливые отговорки. Проведя столько лет в мире бизнеса и шоу-бизнеса, он должен был давно усвоить простую истину: насильно мил не будешь.

Сейчас он хотел лишь одного — достойно и без лишнего шума расстаться с Цун Ле, не наступая дважды на одни и те же грабли.

— Не хочешь японскую? А чего бы тебе хотелось? — Цун Ле упрямо нажимал, будто для него было жизненно важно поужинать вместе именно сегодня.

Юнь Цзи почувствовал, что Цун Ле ведет себя странно.

Зная его характер, стоило Юнь Цзи хоть в чем-то проявить несогласие, Цун Ле никогда не стал бы упрашивать. Он бы просто ровно и холодно бросил привычное «забудь»:

«Забудь, тогда езжай домой один».

«Забудь, я и сам не знаю».

«Забудь, пусть будет так».

«Забудь, мне без разницы».

Но сейчас Юнь Цзи было глубоко плевать на причины. Умирает ли Цун Ле от голода, раз пытается распланировать ужин еще в середине дня, или же его эго суперзвезды не способно переварить обычный отказ — Юнь Цзи это больше не трогало.

На этот раз он решил опередить его и произнести его любимую фразу первым:

— Забудь. Поешь один.

Цун Ле явно не ожидал такого ответа. Его брови изогнулись, а голос мгновенно потерял прежние мягкие интонации:

— Что?

Юнь Цзи, не церемонясь, вытолкал за дверь и его, и младшего брата, который все это время с интересом наблюдал за происходящим:

— Выметайтесь оба. Я сказал все, что хотел. Если есть вопросы — поговорим завтра.

Ему требовалось время, чтобы побыть в одиночестве и окончательно уложить в голове факт своего перерождения.

Юнь Шу и Цун Ле были одинаково поражены таким обращением.

— Брат, но я ведь хотел пригласить тебя поужинать! — выкрикнул Юнь Шу.

—...

— Я заварю себе лапшу. Я же ясно сказал: никуда сегодня не пойду, — Юнь Цзи потер затекшую шею. — Выметайтесь. Не заставляйте повторять в третий раз.

Юнь Шу злобно метнул взгляд на Цун Ле, подхватил рюкзак и предпочёл быстро испариться.

Цун Ле продолжал монументально стоять в дверном проеме.

Юнь Цзи вежливо улыбнулся ему:

— Человеческую речь перестали понимать?

В прошлой жизни он никогда не был мягким человеком. Всю свою чуткость и сдержанность он отдавал Цун Ле. Но его забота оказалась похожа на старый, растрепанный веник: кроме него самого, она никому не была нужна.

Оказывается, смерть — это действительно очень быстрая и острая вещь. Она мгновенно вскрывает человеческие иллюзии. То, что раньше казалось сладким медом, на поверку оказывается лишь гноем в застарелой ране. Когда он вытекает, морок рассеивается.

Глядя на свою прошлую жизнь под другим углом, Юнь Цзи испытывал лишь отвращение к самому себе. Человек прямым текстом демонстрировал свое пренебрежение, а он всё равно с бесстыдной назойливостью лез к нему в душу.

К счастью, своей никчемной любви он умудрился узнать точную цену еще в том воплощении. На этот раз у него точно хватит благоразумия.

Цун Ле хмурился, свысока разглядывая его:

— Юнь Цзи, почему ты не хочешь пойти со мной поужинать?

Вот теперь перед ним был настоящий Цун Ле. Гордый, прямой, не терпящий возражений.

Разумеется, раньше Юнь Цзи ему никогда и не возражал.

Но раз уж он решил окончательно выйти из этой игры, нужно с чего-то начинать.

— Ты что, решил показать мне свой характер? — Цун Ле не сводил с него пристального взгляда.

Его глаза блестели — глубокие и чистые. Когда-то они напоминали Юнь Цзи реку, вскрывающуюся от льда весенней ночью. Именно в эти глаза он когда-то так банально и безрассудно влюбился с первого взгляда.

Он и не подозревал, что Цун Ле окажется настолько проницательным. В прошлом, сколько бы

Юнь Цзи ни намекал на парные кольца, Цун Ле словно намеренно глушил любые сигналы.

Правда, сейчас тот искал причину совсем не там.

Юнь Цзи планировал расстаться без резких движений, постепенно. Главной причиной было то, что он банально не помнил, кем именно они приходились друг другу в этот конкретный временной отрезок.

Если судить по прошлой жизни, они уже вместе ужинали и спали в одной постели, поэтому Юнь Цзи на полном серьезе считал себя его парнем. Но сейчас он не смел утверждать наверняка. Вполне возможно, для суперзвезды Цун Ле он был лишь чересчур назойливым фанатом.

Но вопросы Цун Ле про «показать характер» на мгновение ввели его в тупик.

Заметив его молчание, Цун Ле слегка смягчился:

— Сегодня в пять у меня заканчивается репетиция. Около шести я буду в ресторане. Можешь подождать меня там.

Первой реакцией Юнь Цзи было желание сказать, что тот абсолютно непробиваем. Но мгновение спустя он всё понял.

В прошлой жизни он был слишком покорным. Цун Ле велел идти на восток — и Юнь Цзи беспрекословно шел на восток. Да будь там хоть сотня капканов, он бы шагнул туда не раздумывая.

Настоящее помешательство.

— Ладно, — вбросил Юнь Цзи, лишь бы закончить этот разговор.

Он видел, что Цун Ле сегодня не успокоится, пока не получит формального согласия. А ему просто хотелось, чтобы тот поскорее ушел. Высокий, под два метра ростом, Цун Ле стоял в дверях словно статуя-хранитель, перекрывая свет и лишь раздражая своим присутствием.

Едва за Цун Ле закрылась дверь, Юнь Цзи снова опустился на кровать, пытаясь восстановить в памяти события этого периода.

Три года назад. Они еще не были женаты.

Но именно тогда он окончательно порвал отношения со Старейшиной Юнем ради Цун Ле.

Отец категорически отказывался принимать тот факт, что его сын встречается с женщиной из шоу-бизнеса. В жизненной философии Юнь Шичу абсолютно все артисты — будь то певцы, танцоры, актеры или юмористы — подпадали под одно емкое определение: «лицедеи».

Он кричал на Юнь Цзи, не подбирая выражений:

«Неучи! Никчемные смутьяны! Чтобы пробиться на экраны, они готовы лечь под кого угодно! Знаешь, почему твой дядя Сюй развелся с женой? Да потому что не удержал штаны, когда вокруг него начали виться эти девки-актрисы! В мире полно достойных семей, а тебе непременно нужно было выбрать беспринципного лицедея! Тебе что, обязательно нужно больно разбить себе рожу, чтобы успокоиться?!»

Тогда Юнь Цзи казалось, что отец — невероятно закорячатый, жестокий деспот. А Цун Ле, несмотря на скверный характер, представлялся ему недостижимым благородным цветком с вершины Чомолунгмы, к которому обычным смертным и прикоснуться-то стыдно, не то что осквернять его своими грязными капиталистическими деньгами.

В каком-то смысле и он, и его отец были правы.

Цун Ле действительно оказался недостижимым горным цветком. И действительно — совершенно беспринципным и холодным.

С этой точки зрения Юнь Цзи даже стало легче. В том, что Цун Ле его не любил, не было ничего удивительного. И винить в этом самого Цун Ле не стоило: виноват был лишь сам Юнь Цзи, который, подсчитывая грехи проклятых капиталистов, почему-то исключил из их числа самого себя.

Он был сыном крупного магната и сам владел внушительными капиталами. Имея за плечами такой багаж, как он вообще посмел посягнуть на невинный цветок с заснеженной вершины?

То, что столь простая истина дошла до него только ценой собственной жизни, не должно было вызывать обиды.

И все же Юнь Цзи было тяжело.

Где-то глубоко внутри всё сжималось в болезненный, тугой комок, отдавая тупой болью в груди.

Из-за неудачной любовной истории Юнь Цзи ни за что не стал бы лить слезы. Списав всю эту неопределенную тоску на обычный приступ больного желудка, он даже не стал заваривать лапшу. Выпив стакан теплой воды, он просто забрался обратно под одеяло.

За окном собирались тучи, к вечеру обещали ливень.

Он вспомнил, как в прошлой жизни, словно последний дурак, просидел тот вечер в отдельном кабинете ресторана. Снаружи барабанил дождь, выл сильный ветер, а ему казалось, что в этом есть какая-то особая, уютная романтика.

А ведь на самом деле лучшим укрытием в непогоду всегда была обычная постель.

Все равно Цун Ле не приедет в этот ресторан. Какими бы срочными ни были дела, они вполне подождут до завтра.

Юнь Цзи плотнее завернулся в одеяло и натянул сверху мягкий кашемировый плед, который раньше всегда недолюбливал. Этот плед был подарком Юнь Шу с какого-то модного показа — броский черно-белый монограммный узор мозолил глаза. Но плед был из натуральной шерсти и грел замечательно.

Приятное тепло постепенно укротило боль в груди, и сознание Юнь Цзи начало медленно угасать.

Он погрузился в тревожные, обрывочные сны.

Ему снилось, как Старейшина Юнь с силой швыряет на пол свой любимый исинский чайник из фиолетовой глины, с которым не расставался десять лет:

«Негодяй! Если ты посмеешь сойтись с этим певуном, можешь забыть дорогу в этот дом!»

А сам Юнь Цзи во сне пытается что-то доказать:

«Цун Ле всего добился сам! Чем его успех отличается от твоего, когда ты начинал с нуля?!»

«Успех?! — Юнь Шичу смотрел на сына с таким ошеломлением, будто впервые видел его. — Пропеть пару песен — это теперь называется успехом?! Заработать гроши — это успех?! Юнь Цзи, я с пятнадцати лет таскал тебя с собой по деловым встречам! Для чего?! Чтобы ты научился видеть только то, что у тебя под самым носом?!»

Именно тогда Юнь Цзи понял. Они с отцом совершенно по-разному измеряли чувства.

Отец смотрел на любовь трезвым, жестким взглядом старого циничного капиталиста, пройдя через сотни сражений. А Юнь Цзи казалось, что он умнее. Он верил, что настоящие чувства не требуют громких слов, просто Цун Ле выражает свою любовь глубоко внутри, без внешней мишуры.

Но он не учитывал главного: его вера в любовь Цун Ле держится исключительно на его собственной слепоте и самообмане.

«Хочешь совершить ошибку — я не стану тебя удерживать, — нетерпеливо взмахнул рукой Юнь Шичу. — Сними с себя все, что дала тебе семья Юнь, и иди пробивай себе дорогу сам. Если в тебе действительно есть гордость и ты знаешь, чего хочешь, не смей прикасаться к ресурсам семьи. Попробуй пожить на улице, узнай на собственной шкуре, что такое начинать с нуля и что на самом деле значит "успех"».

Когда мать вынашивала Юнь Шу, она очень хотела девочку, мечтала подарить ей спокойную и беззаботную жизнь. Но дочерью ей обзавестись так и не удалось: она умерла, так и не увидев своего младшего сына.

Юнь Шичу решил исполнить хотя бы половину ее желания. Он баловал Юнь Шу как любимую дочку, а всю нерастрченную строгость и требовательность перенес на старшего сына.

Потеряв мать, Юнь Цзи рос под постоянным давлением строгой отцовской руки.

И сейчас, оглядываясь назад, он понимал: если не считать истории с Цун Ле, отец всегда позволял ему совершать ошибки, давая возможность самому выкарабкиваться из жизненных передряг и никогда не протягивая руку помощи без крайней необходимости.

В своем сне молодой и горячий Юнь Цзи гордо выкрикивал в ответ:

«И уйду! Я и сам хочу, чтобы люди знали меня как Юнь Цзи, а не просто как старшего сына семьи Юнь!»

Юнь Шичу побледнел от ярости. Его аккуратно окрашенные в черный цвет волосы в одно мгновение стали абсолютно белыми.

Испугавшись этой резкой перемены, Юнь Цзи сделал шаг вперед:

— Отец?..

Лицо Юнь Шичу мгновенно осунулось, с него сбежали последние капли крови:

— Негодяй... Мало тебе было один раз свести меня в могилу? Ты снова собираешься бегать за этим лицедеем?!

Юнь Цзи в панике попытался поддержать отца, бессмысленно залепетал:

— Нет, я не...

Шелковый рукав традиционного костюма неожиданно оказался пустым и просто провис в его

руках.

— Отец... Отец!.. Отец! — с выкриком Юнь Цзи вырвался из сна.

Сердце бешено колотилось где-то в самом горле, готовое выскочить наружу.

Все тело было покрыто липким, холодным потом. Пижама прилипла к спине, и едва он выбрался из-под одеяла, как его тут же охватил озноб.

Юнь Цзи жадно выпил полстакана холодной воды, пытаясь унять бешеный пульс.

В первую секунду у него возникло непреодолимое желание прямо сейчас набрать номер Юнь Шичу. Но, ополоснув лицо ледяной водой, он немного остыл.

Его только что со скандалом выставили за дверь. Если он вернется сейчас, ничего не добившись, Старейшина рассердится еще сильнее.

Он решил хотя бы написать короткое сообщение Юнь Шу с несколькими указаниями, когда заметил на экране телефона три пропущенных вызова.

Юнь Цзи бросил взгляд на часы — было уже около девяти вечера.

Все звонки были от Лян Чао.

Юнь Цзи не собирался перезванивать. Он уже направился к шкафу за сухой пижамой, чтобы принять душ, когда телефон зазвонил снова.

— Алло, Лян Чао? — Юнь Цзи прижал трубку плечом к уху, доставая из шкафа чистую одежду.

Из динамика донесся взволнованный, полный скрытой тревоги голос ассистента:

— Господин Юнь, господин Цун сейчас не с вами?

<http://bllate.org/book/20092/1990870>